

⁶⁷ Касумов А. Х. Северо-Западный Кавказ в Русско-турецких войнах и международные отношения XIX в. С. 187.

⁶⁸ Васильев Л. С. История Востока. М., 1993. Т. 2. С. 141.

⁶⁹ Схальяко А. А. О национальном и интернациональном в литературе (На материале адыгейской литературы) // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Вып. 8. Майкоп, 1991. С. 49.

⁷⁰ Ахметуков Ю. Современная Турция. СПб., 1897. С. 110; Баков Х. Х. Махаджирство и турецкая литература XX века // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Вып. 7. Майкоп, 1990. С. 82—83.

⁷¹ Рушди Р. Это моя нация. Из-под пера Расима Рушди. Нальчик, 1993. С. 51—52.

⁷² Если в конце XIX в. в Турции по официальным данным числилось 450 тыс. черкесов, то в 1927 г. — 96 тыс., в 1960 г. — 63 тыс., в 1965 г. — 57 тыс., причем термином черкесы назывались все кавказские переселенцы: абхазы, карачаевцы, чеченцы, адыги и др. (См. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. С. 512). В конце 50-х гг. в Турции умер последний носитель убухского языка (См. Ландманн У. Акифийе-Бюйюшамурлу. Убухские деревни в Юго-Восточной Турции. Гейдельберг, 1981. Перевод книги хранится в библиотеке Адыгейского института гуманитарных исследований). На сегодняшний день в Турции у горцев нет ни школ, ни учебников, у большинства из них другие фамилии, даже топонимы с этнонимами *черкес*, *абаза* (например, типа *Черкес кей* — «Черкесское село») заменены чисто турецкими названиями. Конституция Турции 1961 г. (ст. 54) считает всех граждан страны турками (См. Гожба Р. От Кубани до Нила // Родина 1994. № 3—4. С. 134).

The influence of the Caucasus War on Adyges

The integration of North-Western Caucasus into the Russian state in XIX influenced drastically on Adyges. A considerable part of them emigrated to the Osman Empire and was settled in Middle Asia and Balkans (predominantly on Bulgar lands). Since that time a dominating ethnic trend among Adyges was their assimilation by Turks. In Russia, on the contrary, economic and cultural integration of Adyges into the Russian society led to their consolidation and forming a new *ethnos*.

O. V. Matveev

© 1996 г., ЭО, № 2

С. С. Савоскул

НОВАЯ РУССКАЯ ДИАСПОРА И РОССИЯ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОТНОШЕНИЙ

Дезинтеграция СССР привела к громадным сдвигам в развитии его народов, в том числе к значительному изменению в постсоюзном пространстве места и роли русских, на протяжении столетий бывших системообразующим этносом дореволюционной России и ее приемника — Советского Союза. Из этноса, доминировавшего на пространстве всего СССР в социально-экономическом, культурно-языковом и политическом (по крайней мере на уровне союзного Центра) отношении, русские в результате изменившихся политических обстоятельств превратились в лидирующую этническую группу лишь одной из бывших союзных республик, хотя и самой большой. В других бывших союзных республиках, в большинстве которых русские являлись второй по численности этнической группой, зачастую составлявшей значительную долю их населения, русские были поставлены в несвойственное им положение этнического меньшинства.

В новой этнополитической ситуации бывшую РСФСР — ныне суверенную Россию, оказавшуюся в окружении 14 новых «национальных», в значительной мере этнократических государств, русское население как в ней самой, так и в ее новом зарубежье, невольно стало осознавать по преимуществу русским государством. На наш взгляд, это новая черта русского этнополитического сознания,

поскольку в СССР русские воспринимали РСФСР как основную часть единого союзного государства, в которое, хотя и формально, на равных входили наряду с Россией и республики, названные по имени их титульных этносов. Себя же русские осознавали одним из партнеров (пусть и самым значительным) титульных народов остальных союзных республик.

Изменению ролей и сознания русских сейчас, наряду с этнополитическими, объективно способствуют и этнодемографические факторы. В СССР русские были самой большой этнической группой, но все же составляли лишь половину его населения. В суверенной России доля русских достигает более четырех пятых ее населения. Представители же этносов, имеющие в составе Российской Федерации государственность или автономию, в совокупности составляют не более 5% россиян¹. Уже в силу огромного демографического доминирования русских их интересы в политике Российского государства, естественно, должны быть выражены гораздо очевиднее, чем в бывшем СССР.

В значительной мере по этим причинам в сферу приоритетов государственной политики России в последние годы все очевиднее входят проблемы русских (и в определенной мере представителей других, связанных с ней по происхождению, языку и культуре народов) в странах нового российского зарубежья.

С полным правом можно сказать, что это совершенно новое направление российской политики. До распада Союза российские политические лидеры, борясь за самостоятельность России, поддерживали (скорее из тактических соображений) руководителей других союзных республик, настроенных на выход из СССР. Тогдашняя радикальная позиция лидеров России по национальному вопросу, исходившая из абстрактно-демократического тезиса о праве каждого этноса на безусловное политическое самоопределение, была в тех условиях для них выгодной, поскольку выбивала опору из-под ног главного политического соперника тех дней — союзного руководства. Эта же позиция делала тогдашних лидеров России по существу противниками постановки вопроса о защите прав и интересов русского и другого нетитульного населения в остальных союзных республиках, поскольку в нем видели стихийного сторонника политики по сохранению прежнего СССР.

Действительно, в массе своей это население тогда поддерживало идею сохранения единого Союза. Такая позиция большинства русских вне России была продиктована их объективными интересами, которые в значительной части республик все явственнее ущемлялись уже в силу того, что новая политическая верхушка последних боролась за власть прежде всего под лозунгом национального освобождения и опиралась на этнически мобилизованные массы титульных народов.

Очевидно, подобный настрой русского и близкого к нему населения других национальностей в союзных республиках вне России в какой-то мере способствовал созданию в правящих кругах тогдашней России и других союзных республик атмосферы замалчивания вопроса об особых сложностях решения множества проблем граждан бывшего СССР, не принадлежащих к титульным национальностям новых независимых государств. Фактическое игнорирование этих проблем явственно обнаружилось при заключении Беловежского соглашения, а затем и создания СНГ. Проблемы же вокруг русского и другого нетитульного населения нового российского зарубежья, как со всей очевидностью явствовало из тенденций этнополитического развития накануне распада СССР, должны были возникнуть в силу множества причин.

Конечно, не исключено, что российские лидеры не захотели поднимать эти вопросы, с одной стороны, боясь обвинений в имперских замашках, а с другой, полагая, что налаженные прежде экономические и иные связи между республиками в соединении с мощным социально-экономическим потенциалом России сделают невозможным для ее партнеров по бывшему СССР (за исключением в какой-то мере республик Прибалтики) значительное удаление с российской орбиты. В этом случае нет и особого смысла вести речь о защите прав

и интересов новой русской диаспоры, так же, как и прав представителей других нетитульных этносов, в этих новых государствах.

Кроме того, очевидно, что тогдашние руководители российской политики переоценили общедемократический потенциал радикально-национальных движений. Политика фактического игнорирования вопросов защиты прав и интересов русского и другого нетитульного населения, остро вставших в большинстве бывших союзных республик, продолжалась со стороны России некоторое время и после распада Союза.

Однако со временем все более явным становился этнократический (в той или иной мере) характер режимов всех новых государств. Проявлением этого является то обстоятельство, что все новые независимые страны фактически формируются как национальные государства самоопределившихся титульных этносов. Иногда это декларируется открыто, но чаще проявляется в политической практике, нацеленной на достижение абсолютного доминирования титульного населения в политической, социально-экономической, идеологической, культурно-языковой сферах, невзирая на часто весьма значительную долю нетитульного, в том числе русского населения.

Фактическое низведение последнего в странах нового зарубежья к роли в той или иной мере дискриминируемого этнического меньшинства, а также тот исторический факт, что после дезинтеграции СССР огромная часть русского народа впервые, спустя столетия после складывания единого многонационального Российского государства, оказалась в пределах разных государств, явились важнейшими факторами формирования прежде не существовавшего этнополитического явления — новой русской диаспоры.

Конечно, новая русская диаспора в известном смысле — лишь одно из подобных этнополитических явлений, возникших в результате распада Союза. Однако есть ряд оснований видеть в новом русском зарубежье заметное отличие от других этнических диаспор постсоветского периода. Они состоят прежде всего в том, что русские являлись системообразующим этносом СССР, что имело большое значение для складывания их менталитета, а также для формирования отношения к ним со стороны других этнических групп бывшего Союза, в большинстве своем не однозначно позитивного. К тому же демографический потенциал русской диаспоры в новом зарубежье несравним даже с наиболее значительными из других этнических диаспор, например, украинской.

Кроме того, особая значимость русских в новом российском зарубежье связана с тем, что вокруг них сложились довольно многочисленные этнически переходные группы так называемого русскоязычного населения, по своим интересам и возникающим перед ним проблемам во многом единого с русскими. Все это позволяет считать, что порой значительные отличия в нынешнем положении в процессах адаптации русского населения к новым этнополитическим, социально-экономическим, культурно-языковым ситуациям в отдельных странах СНГ и Балтии не перекрывают того общего, что объединяет эту часть русского народа, и позволяет говорить о новом русском зарубежье как едином явлении постсоюзного этнополитического пространства².

У России в силу того, что в ней сосредоточено основное ядро русского этноса, не может не быть особого отношения к русским в странах ее нового зарубежья. Уже поэтому ее политическому руководству после распада СССР становилось все труднее не замечать проблем новой русской диаспоры и другого близкого к ней русскоязычного населения. К тому же русский вопрос вне России постепенно превращался в важный фактор внутривосточной борьбы, в которой его все активнее использовали оппозиционные правящему режиму силы.

Достаточно вспомнить, что в сентябрьско-октябрьских событиях 1993 г. в Москве на стороне защитников российского Белого дома выступали, судя по сообщениям средств массовой информации, выходцы из Приднестровья, а на декабрьских выборах того же года в Государственную Думу среди российских граждан, постоянно проживавших в странах нового зарубежья, было немало

сторонников В. В. Жириновского, активно использовавшего в предвыборной борьбе проблему защиты русских в странах нового зарубежья, в значительной мере замалчивавшуюся вождями российских демократических сил.

Исходя прежде всего из внутривнутриполитических факторов, а также, очевидно, стремясь в какой-то мере использовать проблемы русского и русскоязычного населения в своей политике по отношению к партнерам по бывшему СССР, российское руководство в последние два года стало все чаще заявлять о необходимости и возможности защиты русских и другого близкого к нему населения в странах нового российского зарубежья. Заметные вехи этой новой официальной политики России по отношению к русской диаспоре в ближнем зарубежье — подписание в декабре 1993 г. соглашения между Россией и Туркменией о двойном гражданстве³, а в 1995 г. аналогичного договора с Таджикистаном⁴, выход в августе 1994 г. Указа Президента Российской Федерации об основных направлениях государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, и создание в его исполнение соответствующей правительственной комиссии⁵.

Из последних заметных политических акций российской исполнительной и законодательной власти на сей счет можно назвать нашумевшее заявление министра иностранных дел А. В. Козырева о возможности применения в целях защиты русского и другого русскоязычного населения в ближнем зарубежье всех имеющихся у России средств, вплоть до военной силы, сделанное им в апреле 1995 г. вначале на Совете по внешней политике России, а затем по существу повторенное в ООН⁶, а также создание в июне 1995 г. Совета соотечественников при Государственной Думе⁷.

Что касается стран нового российского зарубежья, то о росте значимости «русского фактора» в их социально-политической жизни свидетельствуют не только все более растущая роль проблем защиты русского и другого русскоязычного населения в отношениях этих стран с Российской Федерацией, но и рост значимости «русского вопроса» в их внутренней политике. Об этом можно судить по некоторым важным действиям явно этнополитического характера, проведенным в ряде из этих стран.

Среди множества этих акций назовем лишь наиболее известные. В их число несомненно входят намеченный в Казахстане и проведенный в Белоруссии референдумы о повышении статуса русского языка. При этом в Белоруссии за придание русскому языку статуса государственного проголосовало более 80% участвовавших в референдуме⁸. О подъеме внутривнутриполитической значимости на Украине требования повышения статуса русского языка и более тесной интеграции с Россией свидетельствует бесспорная поддержка избирателями восточных и южных районов страны (русскоязычных по основному составу населения) Л. Кучмы, важной частью предвыборной программы которого были эти требования. Определенные подвижки к признанию особого статуса Приднестровья — русскоязычного по преимущественному составу населения — сделало руководство Молдавии.

Для того, чтобы оценить роль «русской проблемы» в жизни новых независимых государств, стоит задуматься над тем, что русские в конце 1980-х годов составляли немногим меньше пятой части (18,2%) всего населения бывшего Союза без России. При этом в Казахстане и Латвии их доля в населении достигала трети и более, в Эстонии и Киргизии — четверти и более от всего населения этих республик. Русские в новом российском зарубежье по абсолютной численности заметно превосходят все остальное его нетитульное население вместе взятое. Подавляющая часть русских нового зарубежья проживает в двух его государствах — Украине (11,4 млн. — по переписи 1989 г.) и в Казахстане (6,2 млн.). Значительное число русских сосредоточено в Средней Азии (3,3 млн.). В Прибалтике жило 1,7 млн. русских, в Закавказье — 0,9 млн., в Белоруссии — 1,3 млн. и в Молдавии — более 500 тыс.⁹.

Дело не только в значительном демографическом, а также социально-культурном, экономическом, политическом потенциале русских в странах нового зару-

бежья России. Русские — представители самого большого и широко расселенного этноса бывшего СССР, доминировавшие в последнем в социальном, политическом, языковом и культурном аспектах, а тем самым и объединявшие народы Союза. Безусловно, это наложило значительный отпечаток на сознание и поведение русских, в частности, не способствовало развитию у них мотивации к этнической адаптации даже в условиях проживания в инонациональной среде. Об этом можно судить, например, по относительно небольшой доле среди них владевших языками титульных этносов республик своего проживания¹⁰. В годы, последовавшие за дезинтеграцией Союза, представители самого большого и доминировавшего народа страны в новом российском зарубежье были поставлены, вопреки своему предшествующему развитию державного народа, перед необходимостью принять несвойственную им до этого роль дискриминируемого этнического меньшинства.

Естественно, что в этих обстоятельствах для большинства русских, живущих в новых независимых государствах, Россия стала фокусом множества ожиданий. Во многом это связано с ее недавним прошлым. Россия (РСФСР) была системообразующим элементом советского союзного государства и как на практике, так и в сознании фактически отождествлялась с последним. К тому же после развала СССР Российская Федерация во многом взяла на себя роль преемницы Союза. Понятно, что русские и близкое к ним по языку и культуре население, проживавшие в республиках СССР вне России, после распада последнего перенесли свои интересы и ожидания, до этого связанные с ним, на Россию.

Подобная направленность отношений к России русских нового зарубежья, определяемая ее прошлым статусом, сочетается у них, как уже отмечалось, с более современным ее восприятием как преимущественно «национального» русского государства в ряду остальных 14 «национальных» государств, возникших на территории прежнего Союза. И это понимание России в сознании большинства русских, проживающих в странах нового зарубежья, неизбежно будет тем более явным, чем более выраженным станет проведение в политике этих государств доктрины этнического национализма, идеи «национального» государства титульного народа. Именно поэтому для многих из 25-миллионной новой русской диаспоры дела и судьбы России не отделены границами между бывшими союзными республиками.

В результате претворения в жизнь идеологии этнического национализма, в большинстве стран нового российского зарубежья сложилась явная этноконфликтная ситуация, сильно осложнившая положение тамошнего нетитульного, в том числе русского, населения. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют итоги проведенных там социологических исследований, а также неумещающий поток вынужденных переселенцев и беженцев.

Так, чистый прирост русского населения России за счет миграции из других бывших союзных республик, по данным официальной статистики, вырос в 1989—1993 гг. в 6,8 раз (с 61,6 тыс. человек до 419,4 тыс.)¹¹. При этом в итоге миграционного обмена с Россией наиболее значительным было сокращение численности русских в Армении, Таджикистане, Азербайджане и Грузии — от 28 до 41% относительно их количества в 1989 г. На более чем десятую часть сократилось русское население в Киргизии и Узбекистане¹². Понятно, что факторы, прежде всего этнополитические, вызвавшие такую значительную миграцию русских, грозят возможными осложнениями в сфере взаимоотношений России со своими партнерами по бывшему СССР.

Конечно, как внутри-, так и внешнеполитическое развитие бывших партнеров России по Союзу ССР проходит под влиянием не одних только радикально-националистических сил. Радикал-националисты, заметно преобладавая во властных структурах на первом этапе суверенизации практически всех бывших союзных республик, заложили в основании государственности новых независимых стран идеи этнического национализма. И хотя впоследствии, по мере все большего осознания титульным населением бесперспективности и издержек

проводимой ими политики, позиции радикально-националистических партий и движений постепенно ослабевали и во многих из новых независимых государств им на смену пришли более умеренные, центристские политики, принцип приоритета титульного этноса, положенный в основу государственного суверенитета, воспринимался большей частью их населения (и не только титульного) уже как данность, как фундаментальная основа развития этих стран.

* * *

При выработке и проведении той или иной политики в отношении русской диаспоры необходимо, на наш взгляд, опираться на результаты комплексного изучения проблемы. Последнее, как нам кажется, происходит довольно редко. Причины этого как в недостаточности самих исследований по этой актуальной проблеме, так и в слабом использовании результатов уже проведенных исследований. В свою очередь, ученые, занятые этой проблематикой, зачастую лишены, по нашему мнению, возможности осмысления опыта взаимодействия главным образом государственных, а отчасти и общественных структур России с новой русской диаспорой, а также с властями суверенных государств — бывших республик СССР — по проблемам их русского населения.

Исходя из мысли о гуманитарной и социально-политической актуальности этих проблем, группа сотрудников Института этнологии и антропологии РАН (помимо автора настоящей статьи в нее входят А. И. Гинзбург, Л. В. Остапенко и И. А. Субботина) подготовила проект изучения русских в странах нового российского зарубежья и провела полевое исследование в Киргизии (1992 г.), Молдавии и Литве (1993 г.), а также в Эстонии (конец 1993 — начало 1994 г.)¹³. Основываясь на итогах этой работы, попытаемся проанализировать общественное мнение русских нового зарубежья по поводу их собственных проблем, о роли России и государств своего проживания в их разрешении, о своем месте в постсоветском этнополитическом пространстве. В этом анализе мы опираемся на данные опроса русского и титульного населения городов первых трех из вышеназванных республик¹⁴.

Результаты нашего изучения показывают, что сохранение прежнего (в рамках бывшего СССР) единства русского народа является достаточно значимой ценностью прежде всего для той его части, которая в итоге распада СССР оказалась политически разобщенной с основным ядром своего этноса, проживающим в России. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует тот факт, что опрошенные русские чаще отождествляют себя (судя, в частности, по представлениям о своей Родине) прежде всего с бывшим Союзом в целом и реже с республикой своего проживания или с Россией (см. табл. 1)¹⁵. Наиболее благоприятное развитие взаимоотношений прежних партнеров по СССР большинство опрошенных представителей новой русской диаспоры видит в их реинтеграции в рамках какого-то нового союза, будь то СНГ или иное объединение, или, как минимум, в рамках двусторонних связей республики своего проживания с Россией¹⁶.

Для основной же массы русских, проживающих в России, которым распад СССР не принес социально-этнических проблем, вставших перед новой русской диаспорой, значимость сохранения территориально-политического единства русского этноса очевидно не так велика, как для последней. Во всяком случае, в отличие от русских обследованных нами стран нового зарубежья, более половины москвичей, судя по итогам опроса 1992 г., считали своей Родиной уже не СССР, как в 1987 г., а Россию (см. табл. 1)¹⁷.

Однако и для русских в России проблемы нового русского зарубежья достаточно значимы. Так, проведенный нами в конце 1994 г. опрос москвичей¹⁸ показал, что заметная доля опрошенных (15,5%) разделяет мнение о том, что русским из стран нового зарубежья следовало бы переехать в Россию с тем, чтобы все русские жили на своей Родине. Судя по этому утверждению, данная часть москвичей по существу признает распад СССР необратимым фактом и полагает возможным

Таблица 1

Представление русского городского населения ряда бывших союзных республик о своей Родине
(по итогам опросов 1987—1993 гг., в %)

Республики	Считают своей Родиной				
	Россию	бывший СССР в целом	республику проживания	другое	затруднились ответить
Россия (Москва) *					
1987 г.	14,2	68,6	—	13	4,2
1992 г.	53,8	27,1	—	9,1	10
Киргизия					
1992 г.	12,7	46,6	35,1	3	2,6
Литва					
1993 г.	23,7	46,7	18,9	4,4	6,3
Правобережье Молдавии					
1993 г.	18,5	70,2	7,8	1,3	2,2
Приднестровье					
1993 г.	14,9	80,1	0,5	4,5	0

* Россияне: столичные жители. М., 1994. С. 138—139.

восстановление единства русского народа уже не в его рамках, а в границах новой суверенной России. Тех же, кто из-за сегодняшних трудностей России отрицал необходимость ее заботы о единстве русского этноса, было незначительное меньшинство (2,6%). Подавляющее большинство (73,7%) полагает, что Россия обязана принять всех русских из нового зарубежья, решивших переехать на свою этническую Родину. Вместе с тем российское государство, по мнению этой части москвичей, должно всеми мерами повлиять на те страны, где притесняют русских с тем, чтобы желающие могли жить на прежнем месте.

Возвращаясь к итогам опроса представителей нового русского зарубежья, отметим, что с преимущественными ориентациями большинства их на реинтергацию постсоветского пространства связано и их отношение к лидерам «своих» республик, других стран нового зарубежья и России.

Так, наибольшее доверие характерно для отношения опрошенных русских к Н. А. Назарбаеву. Несомненно, это вызвано его инициативами по сближению бывших союзных республик, его идеями о создании Евразийского союза. Конечно, к такой позиции Президента Казахстана подталкивают и объективные факторы. Главные из них — особая этническая и геополитическая ситуация Казахстана, которая диктует необходимость в интересах сохранения стабильности и целостности этого нового независимого государства тесных связей не только со своими соседями по центральноазиатскому региону бывшего СССР, но и с Россией¹⁹.

Те же факторы, которые способствуют высокой степени доверия русских в обследованных государствах нового зарубежья Н. А. Назарбаеву, обуславливают и относительно низкое их доверие Б. Н. Ельцину. Значительное большинство опрошенных русских горожан высказали негативное отношение к Президенту суверенной России. Это отношение сложилось у них уже в первый период формирования самостоятельной внешней политики России, основным выразителем которой и стал Б. Н. Ельцин. Противник сохранения Союза ССР, застрельщик Беловежских соглашений, окончательно разваливших СССР, естественно, не мог вызвать к себе положительного отношения русского населения в бывших союзных республиках вне России.

Гораздо меньше тамошние русские задумывались о том, что лидер суверенной России, в силу особой ее роли в бывшем Союзе и до распада СССР и позднее, нередко вынужден был сдержанно относиться к интеграции постсоветского пространства, поскольку в большинстве случаев это рассматривалось как имперское притязание России. Более поздние заявления президента и других видных представителей российских властных структур о необходимости защиты соотечественников (в первый год — полтора после распада СССР не было и этого), конечно, не могли радикально изменить уже сложившегося, в большинстве случаев негативного по отношению к российским властям мнения русского населения нового зарубежья.

Следует, однако, сказать, что и сейчас политика России по защите прав и интересов русских и близкого к нему населения в других бывших союзных республиках далеко не соответствует важности проблемы. Эффективность мер по практическому решению этих проблем ослабляется, на наш взгляд, как из-за недостаточного их финансирования, так и из-за рассогласованности действий различных властных структур в проведении российской политики в этом направлении.

Положение же русских вне России после распада СССР, по мнению большинства из них, радикально изменилось в худшую сторону. На их взгляд, дискриминация русских происходит в культурно-языковой, социально-экономической (в том числе профессиональной), политической сферах. Так, значительная часть опрошенных (от четверти в Киргизии до трех четвертей в Молдавии) полагает, что введение закона о государственном языке затруднило для русских поступление в вузы. Несколько меньшая доля опрошенных считает, что это имело негативные последствия для их занятости (осложнило поступление на работу, продвижение по службе, увеличило угрозу увольнения). Около половины и более опрошенных прогнозируют для себя затруднения в карьере из-за своей национальности. Заметная доля (более 50% в Литве и более 60% в Правобережной Молдавии) русских ожидает увольнения с работы.

Кстати говоря, аналогичные опасения по поводу своего места в социально-профессиональной сфере у титульного населения выражены гораздо слабее. При этом русские гораздо чаще, чем полагают представители титульного населения, видят себя в качестве высококвалифицированных специалистов и руководителей²⁰. Как считают русские, не в их пользу складываются и перспективы в сфере приватизации.

Испытывая дискриминацию и оценивая негативно свое сегодняшнее положение, подавляющее большинство русских разделяют мнение о необходимости мер по защите своих прав и интересов. При этом значительная их часть полагает, что в роли их защитников должны выступать властные структуры республик их проживания (см. табл. 2). В то же время велики в этом плане и ожидания от государственных институтов России. В Правобережной Молдавии и Литве подобные ожидания даже несколько выше, чем надежды на власти «своих» республик. Заметную роль, хотя и гораздо более низкую, по сравнению с ролью властных структур «своей» республики и России, придает русское общественное мнение нового зарубежья организованному движению самого русского населения по защите собственных прав и интересов.

И следует сказать, что достижения в самоорганизации новой русской диаспоры, несмотря на множество различного рода объединений, возникших в последние годы, действительно пока крайне незначительны. Между тем сильная, дееспособная, организованная русская диаспора — важнейшее условие оптимизации процессов политической, социальной, экономической, культурной интеграции русских в новых государствах.

Положительным условием интеграции русских в странах нового зарубежья можно считать и то обстоятельство, что лишь меньшинство (не более 10% опрошенных русских горожан) рассматривает российскую армию в качестве возможного защитника своих прав и интересов²¹. Исключение здесь представляют

Таблица 2

Мнение русских горожан ряда стран нового зарубежья о властных и других социальных институтах, обязанных защищать местное русское население (в %)

Властные и другие социальные институты	Киргизия	Правобережная Молдавия	Приднестровье	Литва
Властные институты республики проживания	60	60,1	19,1	45
Властные институты России	31,9	69,9	50,7	53,4
Мировое сообщество, ООН	15,4	20,8	22,4	18,2
Православная церковь	8,1	11,3	8,6	7,8
Общественное движение русских в республике	18,1	33,3	18,4	22,8
Общественное движение русских в России	13,6	25,9	19,1	11,3
СМИ	11,3	27,7	30,3	19,2

русские Приднестровья, которые в своем большинстве рассчитывают на защиту именно со стороны российской армии.

Наиболее распространенные ожидания представителей нового русского зарубежья по защите своих прав и интересов со стороны России связаны прежде всего с политико-правовой (в том числе с помощью института двойного гражданства²²) и экономической сферами, с обучением русской молодежи из нового зарубежья, а также с поддержкой желающих мигрировать из стран своего нынешнего проживания в Россию. При этом опрошенные настаивают на договоренности по вопросам защиты русского населения между Российской Федерацией и ее партнерами по бывшему Союзу. Экономические и политические санкции России в отношении этих партнеров, по мнению представителей русской диаспоры, гораздо менее привлекательны. Приоритет им отдали лишь приднестровцы (см. табл. 3).

При оценке основных перспектив развития русских нового зарубежья нельзя обойти вниманием мнение последних на сей счет. Судя по итогам нашего опроса, значительная их часть еще не определила устойчивой модели своего поведения и полагает, что все будет зависеть от дальнейшей модели своего развития республик их проживания, России и в целом постсоветского пространства. Так считает не менее четырех десятых опрошенных русских горожан Правобережья Молдавии и Литвы и около четверти в Киргизии. В последней республике гораздо выше, чем в двух других, доля полагающих, что большинство русских постарается в ближайшее время уехать из республики, а также тех, кто считает, что большинство останется и будет активно бороться за свои права и интересы.

В Правобережной Молдавии отъезд большинства русских прогнозируют около четверти, а в Литве несколько меньшая доля опрошенных русских горожан. Русские Литвы чаще, чем русское население остальных обследованных республик, видят свои перспективы в приспособлении к сложившимся обстоятельствам, т. е. в социально-этнической адаптации. Таким образом, исходя из конкретной этнополитической ситуации и во многом определяемого ею положения местного русского населения, возможные перспективы его развития в странах нового зарубежья заметно дифференцируются.

Основываясь на данных нашего исследования в названных государствах, можно предположить, что процессы среди их русского населения будут развиваться следующим образом. В Киргизии и в других республиках Средней Азии движение в сторону подлинно рыночных отношений и демократии достаточно слабо, а культурная дистанция между русским и титульным населением велика. Соответственно наиболее заметны различия между русскими и титульным населением в

Таблица 7

Мнение русского городского населения ряда стран нового зарубежья о желательных мерах России по защите русской диаспоры, в %

Желательные шаги России	Киргизия	Молдавия		Литва
		Правобережье	Левобережье	
Двухсторонние соглашения России со странами о защите прав русских	46,5	76,8	51,9	71,5
Санкции к республикам в случае нарушения прав русских	21,9	37,6	75	25
Оказание помощи желающим переехать в Россию	24,2	43,1	13,1	11,9
Поддержка общественного движения и организаций русской диаспоры	11,7	24,5	17,5	46,3
Другое	2,1	1,0	2,5	27,2

типе поведения. В указанных республиках в итоге для русской диаспоры вероятнее всего перспектива исхода если не всего, то значительной и в социальном плане наиболее продвинутой части русского населения.

Что-либо изменить здесь могут только радикальные перемены этнополитического развития, связанные прежде всего с активной реинтеграцией постсоюзного пространства. Поскольку такие радикальные и быстрые по времени изменения вряд ли реальны, то можно предположить, что начавшаяся еще в 80-е годы тенденция превышения числа выезжающих оттуда русских над числом въезжающих туда²³ будет все более нарастать.

В значительной степени противоположной представленной выше модели поведения является реакция на изменившуюся ситуацию русского населения Литвы. В силу относительно небольшой доли русских, более высокой степени их языковой адаптации, более цивилизованного этнополитического развития, меньшей культурной дистанции между русскими и представителями титульного этноса и более благоприятного экономического развития здесь вероятнее широкое распространение сравнительно плавных эволюционных путей адаптации местной русской диаспоры к изменившимся условиям своей жизни.

Перспективы русского населения правобережья Молдавии представляют собой как бы промежуточный вариант двух описанных выше моделей. Тут особенно большое влияние на развитие ситуации вокруг русского населения оказали, несомненно, этнополитические, в том числе вооруженные конфликты, которые в значительной мере были спровоцированы радикальными националистическими силами. Эти силы доминировали в политическом руководстве Молдавии на начальном этапе становления ее суверенитета и были ориентированы на вхождение республики в Румынию.

Стремление к вхождению в Румынию встречает негативное отношение со стороны русского и другого нетитульного населения, в результате чего в значительной мере и возникли приднестровская и гагаузская проблемы. Дестабилизация ситуации явно ослабила предпосылки, в том числе психологические, для более плавного развития языковой, этнокультурной, социально-политической адаптации местного русского и другого русскоязычного населения, стимулировала его миграционные настроения, сделала (надеемся, на время) скрытый и открытый (между основной Молдавией, с одной стороны, и Приднестровьем и Гагаузией, с другой) этнический конфликт нормой жизни республики.

Приход к власти в результате последних парламентских выборов новых политических сил наметил возможный выход, из, казалось бы, тупиковой ситу-

ации. Пример Молдавии показывает, что этнополитический фактор по своему влиянию на обострение ситуации вокруг русской диаспоры может пересилить благоприятные объективные обстоятельства межэтнического взаимодействия русского и титульного населения, которые складывались в течение длительного периода, предшествовавшего радикальному изменению социально-политического развития.

Непризнанная государственная самостоятельность Приднестровья возникла во многом в ответ на вызов национал-радикальных сил Молдавии, который способствовал, в свою очередь, ответной массовой мобилизации населения Левобережья. Оно было напугано угрозой включения в чуждую им Румынию.

Русские и другие русскоязычные (прежде всего украинцы), к которым можно отнести и часть местных молдаван, составляют в этом регионе большинство населения. Это является основным фактором отсутствия здесь заметных межэтнических конфликтов. Последнему способствует и принятие в Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) в качестве государственных трех языков — молдавского, русского и украинского.

Внутренней консолидации приднестровцев в значительной мере способствовала и их мобилизация в ответ на внешнюю угрозу, реализовавшуюся в ходе короткой, но от этого не менее кровавой войны 1992 г. В ходе нее в Приднестровье сформировались военные и иные силовые структуры, существование которых является одним из факторов сохранения самостоятельности ПМР. В этом смысле Приднестровье является как бы идеальной моделью для той части русского и другого русскоязычного населения нового российского зарубежья, которая не желает примириться с навязываемой им в большинстве стран СНГ и Балтии роли нового этнического меньшинства.

В то же время эта внутренняя стабильность Приднестровья весьма относительна, поскольку во многом зависит от внешнеполитических обстоятельств, прежде всего от отношения к ПМР России, от взаимоотношения последней с Молдавией. Зыбкость политического и экономического суверенитета Приднестровья явно проявилась и в ответах его жителей в ходе нашего опроса в этом регионе.

Как мы уже отмечали, одной из основных альтернатив выхода из нынешнего непростого положения русское население многих стран нового зарубежья видит в миграции из республик своего проживания. При этом основной поток русских вынужденных переселенцев и беженцев из нового зарубежья направляется в Россию²⁴. Следует сказать, что данному явлению, помимо мощнейшего воздействия новейших радикальных этнополитических изменений, способствуют и более глубинные факторы, заложенные на предыдущем этапе развития социально-этнических и этно-культурных процессов²⁵.

Новая волна миграции русских на свою этническую родину стала важным фактором в жизни современной России. Помимо чисто практического решения, весьма непростого в условиях социально-экономического и политического кризиса, охватившего российское общество, этот вопрос вызывает значительные дискуссии политического и национально-идеологического характера. Правда, в целом российское общественно-политическое сознание до сих пор, на наш взгляд, так и не предложило приемлемого для всех участников процесса (русской диаспоры, стран ее проживания и России) концепции и основанных на ней практических мер оптимального решения проблем русских переселенцев и беженцев из нового российского зарубежья.

При этом крайние позиции заключаются, с одной стороны, во всемерном сдерживании миграционных потоков в Россию, а с другой, в пропаганде идеи стягивания в Россию как можно большего числа представителей нового русского зарубежья. Не имея возможности подробно развить здесь свои представления на сей счет, сделаем лишь несколько замечаний, основанных в том числе и на итогах проведенных исследований.

По нашим представлениям, России не только необходимо, но и выгодно

принять русских, желающих переехать из нового зарубежья. Хотя бы уже потому, что данная часть русского народа более молодая и более продвинутая в социально-культурном, в том числе профессиональном, плане. Таким образом, возможные издержки России по обустройству русских репатриантов многократно окупятся их участием в ее социально-экономическом и культурном развитии. Переселившись на историческую Родину, представители новой русской диаспоры усилят социально-демографический, культурный и моральный потенциал русского этнического ядра.

Кроме того, русские выходцы из нового зарубежья могут способствовать оптимизации социально-этнической ситуации в России, поскольку данная часть русских более адаптирована к жизни в условиях многонациональной среды и потенциально этнически более толерантна. Это немаловажно для нашей страны, так как в ближайшем будущем Россию ожидает дальнейшее усложнение этнического состава населения, в том числе за счет миграции из ее нового и старого зарубежья.

Общегосударственная программа по достойному приему представителей нового русского зарубежья, желающих переехать в Россию, в случае обеспечения ее качественной идеологической подготовкой, может стать одним из общенациональных дел, одной из целей, способных объединить российское общество. Очевидно, что при отсутствии подобных общенациональных задач, понятных и благоприятно воспринимаемых большинством россиян, трудно рассчитывать на общенациональное единство — один из важных залогов успешного выхода из кризисной ситуации.

Цивилизованное решение хотя бы части острых проблем русского и другого русскоязычного населения нового зарубежья снизит угрозу обострения отношений между Россией и ее партнерами по бывшему СССР, уменьшит уровень вынужденной миграции русских, а также предотвратит накопление в лице части русских переселенцев экстремистски настроенного слоя российского общества.

Кстати говоря, недавнее исследование показало, что мнение о широком распространении подобных настроений среди мигрантов из нового зарубежья совершенно не обосновано. По своим политическим установкам мигранты мало чем отличаются от основной части постоянного русского населения этих мест²⁶.

Таким образом, в соответствии с мнением представителей новой русской диаспоры, российская политика в отношении последней с неизбежностью должна включать в себя, с одной стороны, политико-правовую, социально-экономическую и этнокультурную помощь тому русскому населению нового зарубежья, которое не собирается покидать страны своего нынешнего проживания (а таких среди русских в новых независимых государствах большинство). С другой стороны, политика России должна быть обращена в сторону возможно более широкой поддержки русских нового зарубежья, которые решили переехать в Россию.

Примечания

¹ По данным переписи 1989 г.

² Подробнее о понятии «новое русское зарубежье» см.: Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований. М., 1994. С. 25—26.

³ Российская газета. 24 декабря 1993 г.

⁴ Независимая газета. 19 мая 1995 г.

⁵ Тексты Указа Президента и распоряжения правительства см.: Этнополитический вестник. 1994. № 1. С. 131—132.

⁶ Известия. 20 апреля 1995 г.

⁷ Независимая газета. 31 октября 1995 г.

⁸ Независимая газета. 16 мая 1995 г.

⁹ Русские: Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 19. Табл. 1; С. 21. Табл. 3.

¹⁰ Там же. С. 295. Табл. 17.

¹¹ Рассчитано по: Численность и социально-демографические характеристики русского населения в республиках бывшего СССР. М., 1994. С. 28—29.

¹² Там же. С. 5, 28—37. Расчеты автора.

¹³ О программе и некоторых итогах исследования см.: Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований; Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. Этносоциологический очерк. М., 1993; Русские в новом зарубежье: Киргизия. Этносоциологические очерки. М., 1995; *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья // *Общественные науки и современность*. 1994. № 5.

¹⁴ На основании многоступенчатой стратифицированной выборки было опрошено: в Киргизии около 600 человек русских, в Молдавии около 900 человек, в Литве и Эстонии по 400 с лишним человек. О принципах выборки и их применении к одному из объектов исследования (Киргизии) см.: Русские в новом зарубежье. Программа... С. 66—68; Русские в новом зарубежье: Киргизия. С. 11—12.

¹⁵ Русские в новом зарубежье. Программа... С. 125. Рис. 1; Молдова: столичные жители. М., 1994. С. 233. Табл. 72.

¹⁶ Русские в новом зарубежье. Программа... С. 126. Табл. 1.

¹⁷ Россияне: столичные жители. М., 1994. С. 138—139.

¹⁸ Было опрошено около 300 человек, представляющих основные социально-демографические и территориальные группы русского населения Москвы.

¹⁹ См., например: *Амрекулов Н. А., Масанов Н. Э.* Казахстан между прошлым и будущим. Алматы, 1994. С. 119—126, 159—164.

²⁰ Русские в новом зарубежье. Программа... С. 131. Табл. 3; С. 133. Рис. 5; С. 134. Табл. 5; *Остапенко Л. В.* Вопросы трудовой занятости // Русские в новом зарубежье: Киргизия. С. 107—114.

²¹ Русские в новом зарубежье. Программа... С. 128. Табл. 2.

²² Там же. С. 129. Рис. 3.

²³ Русские: Этносоциологические очерки. С. 36.

²⁴ См., например: Русские в новом зарубежье: Средняя Азия. С. 89—96. Русские в новом зарубежье. Программа... С. 138. Рис. 7; *Витковская Г. С.* Вынужденная миграция: проблемы и перспективы. М., 1993; *Субботина И. А.* Русская диаспора: численность, расселение, миграция // Русские в новом зарубежье: Киргизия. С. 64.

²⁵ См., например: Русские: Этносоциологические очерки. С. 17—51, 89—105; *Зайончковская Ж. А.* Миграционные связи России: реакция на новую политическую и экономическую ситуацию // Бывший СССР: внутренняя миграция и эмиграция. М., 1992; *Лебедева Н. М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993. С. 156—171.

²⁶ *Филиппова Е. И.* Вернуться в дом Россия ищет троп... // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., 1995. С. 143—147.

A new Russian ethnic diaspora and Russia

The situation with ethnic Russians in the Post-Soviet states is viewed. The so called *Russian question* tends to become an important factor in the political struggle in these countries, in particular on the part of the forces that oppose the ruling regimes. The article is based on the results of sociological questionings among ethnic Russians in several post-Soviet states.

S. S. Savoskul

© 1996 г., ЭО, № 2

В. М. Кимеев, В. П. Кривоногов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ КАЛМАКОВ

В 1993 г. были проведены этнографические и этносоциологические исследования среди калмаков Юргинского и Яшкинского района Кемеровской обл.

По происхождению эта группа тюркского населения считается потомками «выходцев на цареву имя» беглых приобских «белых калмыков» (телеутов), смешавшихся на новой родине с томско-кузнецкими тюрками «горных порубежных волостей»¹.